

Ситуация на рынке продовольствия: новые сигналы и старые проблемы¹

Т.Н. БЕЛОВА, доктор экономических наук, Академия Федеральной службы исполнения наказаний России; Рязанский государственный медицинский университет, Рязань. E-mail: belova_t_n@mail.ru

Современная ситуация на агропродовольственном рынке характеризуется, с одной стороны, дифференциацией его сегментов по степени насыщения, а с другой – снижением спроса. Падение реальных доходов населения обусловило снижение потребительского спроса и увеличение доли расходов на питание в домашних хозяйствах, о чем свидетельствует анализ региональной статистики. В последние годы растет расслоение как по производству, так и по потреблению продовольствия на душу населения. Опережающий рост цен на продовольствие ставит под сомнение верность выбора мер и инструментов политики протекционизма. Правильный протекционизм, по мнению автора, не может осуществляться за счет снижения уровня жизни населения, а должен сочетать рыночные механизмы с точечной временной поддержкой тех отраслей экономики, для которых характерны растущая доходность и высокая отдача на инвестиции. Автор считает необходимым использование инструментов «зеленой корзины» (в частности программу продовольственных карточек), отмену эмбарго на импорт продовольствия и дифференциацию экспортных и импортных таможенных пошлин в зависимости от степени насыщения и сформированности внутренних отраслевых рынков.

Ключевые слова: агропродовольственный рынок; аграрная политика; доходы населения; потребление продуктов питания; импорт продовольствия; импортозамещение; эмбарго; протекционизм

Российская политика последних лет в сфере сельского хозяйства, акцент на которую усилился в августе 2014 г. под давлением санкций, принесла свои плоды. Выросло производство продовольствия, зерно стало важной статьёй экспорта наряду с нефтью и газом, критические точки продовольственной независимости достигнуты практически по всем видам продукции. Вкупе с прямой господдержкой немалую роль в успехах российского АПК сыграло введение в 2014 г. эмбарго на ввоз продовольствия из ряда стран, то есть политика протекционизма. Но, как ни парадоксально, достижение пороговых значений Доктрины продовольственной

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–010–00843.

безопасности² по объемам отечественного производства продовольствия не сделало продукты питания более доступными. Рост цен на продукты питания все последние годы опережает уровень инфляции, а доля расходов на питание в бюджетах домашних хозяйств повысилась впервые с 2008 г. Под влиянием снижения реальных доходов населения отмечается падение потребления по ценным группам продуктов – молочным, мясным, рыбе, овощам и фруктам [Гумеров, Гусева, 2018].

Оказывается, правы были критики Доктрины, доказывающие приоритет экономической доступности продуктов питания над пресловутыми показателями импортозависимости. Понятие экономической доступности связано не только с уровнем жизни населения, но и с целым комплексом задач по развитию народного хозяйства. В условиях же протекционизма экономика как наука попросту не нужна. По этому поводу У. Самнер (американский ученый середины XIX в.) писал: «Протекционизм своим догматом упраздняет политическую экономию и сводит все искусство тарификации к методу вечных опытов и вечных неудач, к методу алхимиков и изобретателей *perpetuummobile*» [Самнер, 1893. С. 46].

Противники протекционизма – фритредеры (Ф. Бастиа, У. Самнер, Д. Ирвин, Я. А. Новиков и др.) – считали, что ограничительные меры в международной торговле противоречат основному постулату рыночной экономики – теории сравнительных преимуществ. С введением запретов на ввоз дешевых и качественных импортных товаров отечественные производители получают незаслуженные преференции и безнаказанно повышают цены [Самнер, 1893; Бастиа, 2003; Самнер, Новиков, 2002]. Высокие таможенные пошлины и тем более эмбарго вызывают, с одной стороны, оживление на внутреннем рынке, но с другой – способствуют сохранению высоких издержек и стремлению производителей повысить норму доходности, что провоцирует неуклонный рост цен. По подсчетам Я. А. Новикова, меры протекционизма (импортные пошлины и квоты) осуществляются в интересах не более 5% населения, а остальные 95% должны за это расплачиваться, покупая более дорогие продукты [Самнер, Новиков, 2002]. В то же время рассматривая современную ситуацию на российском рынке,

² Указ Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» [Эл. ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12172719/> (дата обращения: 23.06. 2018).

Р.Р. Гумеров считает ошибочным «относить эффект подорожания продовольствия исключительно за счет импортозамещения» [Гумеров, Гусева, 2018. С. 99].

При более детальном рассмотрении оказывается, что темпы роста цен на отраслевых специализированных рынках сильно различаются. Например, цены на мясо птицы и свинины растут значительно медленнее инфляции, а на говядину и молочные продукты – заметно быстрее. Какие факторы порождают эту дифференциацию? Как это связано с продовольственным эмбарго и политикой импортозамещения?

Падение спроса и снижение потребления на рынке продовольствия

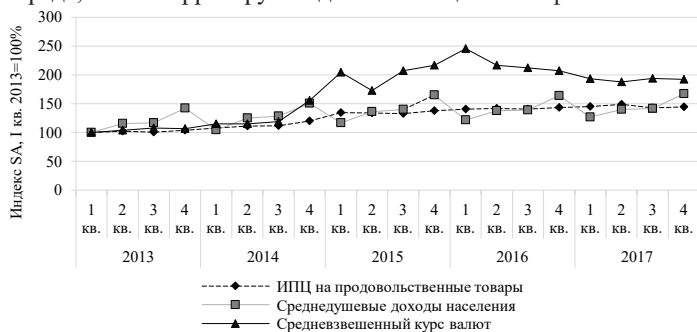
В соответствии с теорией свободной торговли принятие запретительных мер неизменно ведет к росту цен и падению уровня жизни населения. Действительно, индекс потребительских цен на продовольствие в I квартале 2018 г. в сравнении с I кварталом 2013 г. составил 146,8% (индекс SA, I квартал 2013 г. = 100%)³. При этом впервые с 2008 г. снизилось потребление продуктов питания в натуральном выражении, что нехарактерно для периода кризиса. Так, индекс физического объема розничной торговли продовольственными товарами составил в 2015 г. 91%, в 2016 г. – 95%, в 2017 г. – 101,1%⁴. Официальных данных за 2018 г. еще нет, но можно смело утверждать, что потребление продуктов питания в натуральном выражении все еще не достигло уровня пятилетней давности. Причиной такой ситуации является падение реальных доходов населения, снижение покупательского спроса и изменение его структуры в сторону более дешевых и менее качественных продуктов питания.

Индекс потребительских цен (ИПЦ) – важнейший индикатор ситуации на рынке, так как объединяет информацию о розничных ценах и тарифах, с одной стороны, и об объемах и структуре потребительских расходов – с другой. Реальные доходы населения растут, если темпы их роста опережают темпы роста потребительских цен.

³ Индексы потребительских цен на продовольственные товары по Российской Федерации в 1991–2018 гг. [Эл. ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/543897277>. (дата обращения: 23.06. 2018).

⁴ Торговля в России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 233 с.

Рассмотрим эти две кривые важнейших индикаторов уровня жизни населения в поквартальной динамике (рис. 1). В благополучных 2013–2014 гг. линия среднедушевых доходов была выше линии индекса потребительских цен на продовольствие, но уже в I квартале 2015 г. ИПЦ на продовольствие составил 111,8% в сравнении с предыдущим кварталом, а среднедушевые доходы населения упали с 32901 руб. до 25488 руб. (на 22,5%). До конца 2015 г. ситуация выравнивалась, то есть инфляция подавлялась обычными в таких случаях действиями Минфина, но в I квартале 2016 г. цены снова взлетели, а среднедушевые доходы упали в сравнении с предыдущим периодом. Третья линия на рисунке 1 представляет динамику средневзвешенного курса валют (бивалютная корзина). На графике отчетливо видно, как с лагом запаздывания в один период ИПЦ повторяет динамику валютного курса, который, в свою очередь, тесно коррелирует с динамикой цен на нефть.

Источники: Доходы населения [Эл.ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/543897277/> (дата обращения: 23.05. 2018); Курс валют [Эл.ресурс]. URL: <http://www.audit-it.ru/> (дата обращения: 25.05. 2018).

Рис. 1. Динамика индекса потребительских цен на продовольствие и среднедушевых доходов населения по кварталам в 2013–2017 гг.

Индекс потребительских цен нивелирует весьма существенные различия цен на отдельные продукты питания⁵ и не менее значительные колебания цен в зависимости уровня развития отрасли. Так, по данным Росстата, розничная цена сливочного масла в 2017 г. в сравнении с 2013 г. выросла на 71,2%, сыров

⁵ Торговля в России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 233 с.

сычужных твердых и мягких – на 46,5%, говядины – на 31%, рыбы мороженой – в 2,16 раза. При этом есть несколько видов продуктов, динамика цен на которые существенно ниже ИПЦ. Это свинина (рост цен на 19,5%), куры охлажденные и мороженые (17,9%), яйца куриные (15,4%). Возьмем этот фактор на заметку, чтобы вернуться к нему позже.

Рост цен и снижение уровня реальных доходов населения в 2015–2016 гг. закономерно привели к падению спроса на продовольствие и сокращению его потребления (табл. 1). Признаки улучшения ситуации наметились лишь во II квартале 2017 г., и в целом по итогам года индекс физического объема розничного товарооборота составил 101,1%, а в I квартале 2018 г. – 102,0%⁶.

Таблица 1. Индекс физического объема товарооборота по некоторым продуктам питания в 2014–2016 гг., % к предыдущему году

Продукты	2014	2015	2016
Пищевые, включая напитки и табачные изделия, в целом	100,0	91,0	94,7
Мясо животных и птицы	104,7	95,2	100,4
Продукты из мяса	100,3	90,5	99,0
Рыба и морепродукты	105,7	85,8	92,8
Животные масла	97,2	94,3	95,9
Растительные масла	108,8	91,4	95,4
Цельномолочные	104,1	97,7	97,1
Сыры жирные	105,2	92,1	98,4
Мука	104,3	97,3	97,9
Свежий картофель	98,8	106,4	111,8
Свежие фрукты	106,9	89,8	98,0

Источник: Национальное рейтинговое агентство [Эл. ресурс]. URL: <http://www.ra-national.ru/> (дата обращения: 18.04.2018).

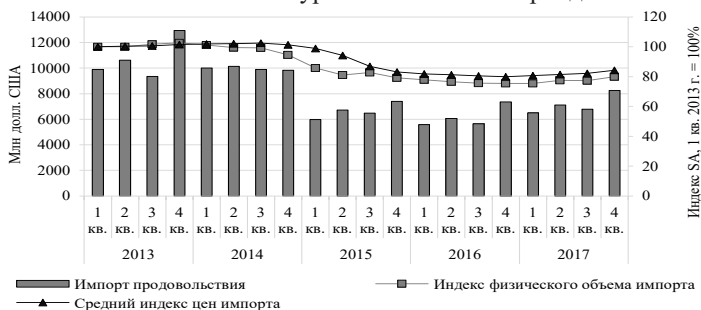
Данные таблицы свидетельствуют о снижении потребления по всем категориям продуктов питания, кроме картофеля, что говорит об изменении структуры продуктовой корзины в пользу более дешевой и менее ценной продукции.

Насколько значим для динамики цен на продовольствие импортный фактор? До 2014 г. доля импорта в структуре ресурсов розничной торговли продовольственными товарами держалась на уровне 34%. С введением эмбарго она сократилась до 28%

⁶ Торговля в России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 233 с.

от оборота в 2015 г. и 23% в 2016 г.⁷ Таким образом, эмбарго можно рассматривать как дополнительную преференцию сельскому хозяйству, помимо традиционной бюджетной поддержки и тех выгод, которые все отечественные производители получили в результате роста курса доллара.

Для конъюнктуры мирового рынка продовольствия в период 2014–2016 гг. было характерно снижение цен, что нашло свое отражение в динамике средних цен импорта⁸ продовольствия в Россию (рис. 2). Разберем ситуацию подробнее. Объемы импорта продовольствия и сельскохозяйственного сырья в IV квартале 2013 г. достигли своего пика (12 945 млн долл. США), но в I квартале 2014 г. резко уменьшились (на 23%), оставаясь в течение года практически на неизменном уровне. Затем в I квартале 2015 г. поставки продовольствия по импорту вновь резко снизились, и далее практически сформировался понижительный тренд. В результате к концу III квартала 2017 г. объемы импортных поставок составили 2/3 от уровня базисного периода.

Источник: Статистика Федеральной таможенной службы России [Эл. ресурс]. URL: <http://stat.customs.ru>; расчеты автора

Рис. 2. Динамика импорта продовольствия (левая шкала) и индекса SA (в сравнении с I кв. 2013 г.) (правая шкала) среднего индекса цен импорта и индекса физического объема импорта РФ по кварталам в 2013–2017 гг.

Уменьшение стоимости импорта по продовольственной группе происходило сразу по двум направлениям – как за счет

⁷ Торговля в России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 233 с.

⁸ Цена импорта (термин статистики ФТС) – это контрактная цена на границе (таможенная стоимость). Импортёр платит, кроме того, таможенные сборы, ввозную пошлину, акциз (для подакцизного товара) и НДС (если он не нулевой).

уменьшения физического объема, так и за счет снижения цен. Так, индекс средних цен импорта составил к концу IV квартала 2017 г. 84,3%, а физического объема импорта – 79,9% в сравнении с I кварталом 2013 г. С конца 2017 г. и по настоящее время отмечается рост импорта продовольствия: в IV квартале объемы импорта достигли 8 249,9 млн долл. США, что на 12,1% больше соответствующего периода прошлого года.

Если сравнить динамику ИПЦ на продовольствие (рис. 1) и индекс средних цен на импортные продукты (рис. 2), то увидим, что движение этих процессов является разнонаправленным. Вычисление парных коэффициентов корреляции дает следующий результат: ИПЦ на продовольствие и объемы импорта продовольствия (–0,845), ИПЦ и индекс средних цен импорта (–0,897), ИПЦ и индекс физического объема импорта (–0,975). Оказывается, в то время, когда объемы и средние цены импорта падают, цена на продукты питания на внутреннем рынке увеличивается. При более детальном анализе импорта продовольствия выявлены изменения состава внутри товарных групп: снизилась доля дорогих готовых продуктов, увеличилась – сырья и полуфабрикатов, используемых отечественными предприятиями пищевой промышленности.

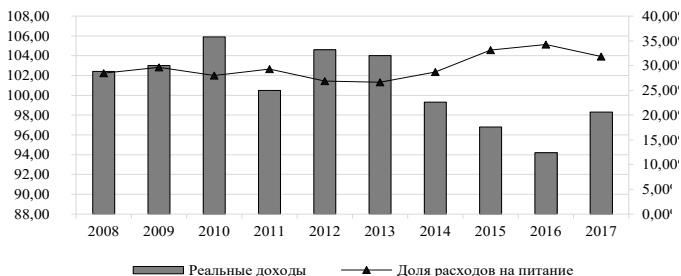
Расходы на питание в бюджетах домашних хозяйств

В качестве индикатора уровня жизни населения во всем мире используется косвенный показатель – доля расходов на питание в общем бюджете домашних хозяйств (закон Энгеля). Чем ниже его значение, тем выше уровень жизни населения, поскольку остается больше средств на другие потребности: одежду, лекарства, отдых, образование и т.д. В странах ЕС доля расходов на питание составляет 10–15%, Россия же занимает по этому показателю 40-е место⁹ среди европейских стран.

Динамика этого показателя в России представлена на рисунке 3. В 2009 г. среднестатистическая российская семья тратила на питание 30,5% своего бюджета. По мере роста реальных доходов доля этих расходов постепенно снижалась, достигнув

⁹ Динамика изменений в уровне потребительских расходов домашних хозяйств на продукты питания [Эл. ресурс]. URL: <http://www.isesp-ras.ru/vox-peritus/3/> (дата обращения: 18.03. 2018).

в 2013 г. отметки в 27,6%¹⁰. Но в 2014 г. тренд сменил направление: в 2015 г. доля расходов на питание увеличилась сразу до 32,1%, в 2016 г. – до 32,3%. Лишь со второй половины 2017 г. реальные доходы снова начинают расти, а доля расходов на питание – сокращаться (31,3% по итогам года).

Источник: Уровень жизни населения [Эл. ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/543897277/> (дата обращения: 23.05. 2018).

Рис. 3. Динамика реальных доходов населения (левая шкала) и доли расходов на питание в бюджетах домашних хозяйств (правая шкала) в 2008–2017 гг.,%

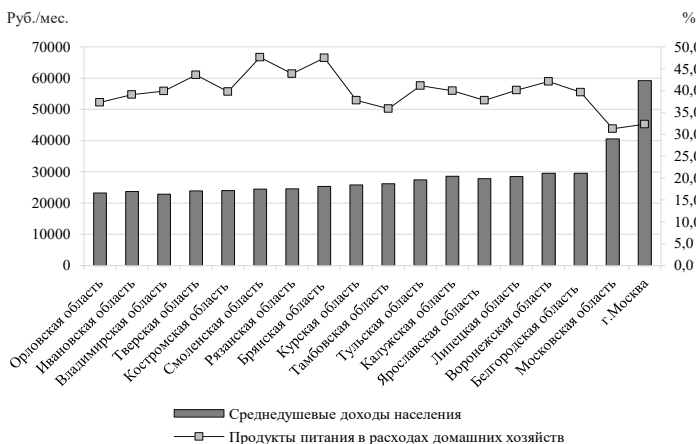
Отметим, что рассматриваемый показатель в 2008–2017 гг. значительно отличается как по регионам, так и по домохозяйствам с различным уровнем доходов. Первая децильная группа с наименьшими доходами тратила в 2016 г. на питание 49,2% своего бюджета, а группа с самыми высокими доходами – 19,9%. Качество продуктовой корзины у них тоже заметно различалось. Сравним потребление продуктов питания в среднем на человека в натуральном выражении для двух групп с наименьшими и наибольшими доходами: молоко и молочные продукты – 176 кг и 335 кг соответственно, фрукты – 37 кг и 103 кг, мясо и мясопродукты – 55 кг и 110 кг, рыба – 13 кг и 27 кг, яйца – 165 шт. и 276 шт¹¹. При этом официальная статистика не учитывает, что богатые и бедные потребляют мясо и фрукты, кардинально различающиеся по качеству. Специально для бедных семей на рынке продовольствия в последние годы прочно занял свое

¹⁰ Уровень жизни населения [Эл. ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/543897277/> (дата обращения: 23.05. 2018).

¹¹ Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2016 г. [Эл. ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_101/ (дата обращения: 22.05. 2018).

место сегмент дешевых и низкокачественных продуктов питания, нередко опасных для здоровья.

Территориальная дифференциация показателей уровня жизни, представленная на примере регионов ЦФО, также весьма существенна (рис. 4). Максимальные среднедушевые доходы (г. Москва) составили в 2016 г. 59 203 руб./мес., а минимальные (Орловская область) – 23 237 руб./мес.

Источники: Центральная база статистических данных [Эл. ресурс]. URL: <http://cbstd.gks.ru/> (дата обращения: 22.06. 2018); Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2016 году [Эл. ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/543897277> (дата обращения: 22.06. 2018).

Рис. 4. Среднедушевые доходы населения (левая шкала) и доля расходов на питание в структуре расходов домашних хозяйств (правая шкала) по регионам ЦФО, 2016 г.

В группу регионов с высоким уровнем социально-экономического развития вошли Белгородская, Воронежская, Липецкая, Ярославская и Калужская области. Замыкают ранжированный ряд Костромская, Тверская, Владимирская, Ивановская и Орловская области. Сопоставление среднедушевых доходов и доли расходов на питание в бюджетах домашних хозяйств дает несколько иную картину. Более 45% семейного бюджета расходуются на питание в семи регионах ЦФО: это Брянская, Смоленская, Рязанская, Тверская, Тульская, Воронежская, Липецкая области. В Москве и Московской области этот показатель составляет 32,3% и 31,3% соответственно.

Производство и потребление продовольствия: региональный аспект

Продолжим рассмотрение ситуации на продовольственном рынке в региональном аспекте, акцентировав внимание на производстве молока и мяса. Влияние импортных поставок продуктов на уровень местного производства и потребления, как выяснилось, проследить очень сложно. Дело в том, что груз, поступивший на региональные таможни, затем может идти в любые соседние регионы¹². Поэтому пришлось прибегнуть к балансам ресурсов по видам продовольствия, генерируемых российской статистикой¹³, и вместо объемов импорта в ресурсах использовать показатель «ввоза, включая импорт», а вместо экспорта – «вывоз, включая экспорт».

Мясо и мясные продукты. Успехи мясной отрасли в решении проблемы импортозамещения весьма впечатляют. Если в 2013 г. доля импорта в ресурсах мяса и мясопродуктов составляла 20,9%¹⁴, то в 2017 г. этот показатель составил 8,8%, то есть почти достиг значения, заданного Доктриной. В 2016 г. в Россию из-за рубежа поступило мяса и мясопродуктов на 2292 млн долл. (9,2% от суммарного импорта по продовольственной группе), в 2017 г. – на 2670 млн долл. Около половины этого объема приходится на мясо крупного рогатого скота, поступающее из Бразилии (54%), Парагвая, Уругвая, Аргентины¹⁵. В региональном разрезе (по ЦФО) показатели производства, потребления и доли ввоза и вывоза в ресурсах представлены в таблице 2.

В соответствии с последними нормами Минздрава¹⁶ годовая норма потребления мяса и мясопродуктов должна составлять 73 кг/чел., в том числе 20 кг говядины и 31 кг мяса птицы. Как видим, потребление мяса и мясопродуктов значительно дифференцировано по регионам ЦФО и зависит от уровня цен. В шести

¹² Приведем следующие данные по импорту продовольствия в 2016 г.: Смоленская область – 357 млн долл., Владимирская – 371 млн долл., Тамбовская – 47 млн долл., Курская – 40 млн долл., Костромская – 2,7 млн долл. URL: ru-stat.com

¹³ Центральная база статистических данных [Эл. ресурс]. URL: <http://cbds.gks.ru/> (дата обращения: 22.06. 2018).

¹⁴ Основные показатели сельского хозяйства в России [Эл. ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 30.05.2018).

¹⁵ Экспорт и импорт России по товарам и странам [Эл. ресурс]. URL: <http://ru-stat.com/> (дата обращения: 23.06. 2018).

¹⁶ Приказ Минздрава от 19.08.2016 г. № 614 «Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания».

регионах (Костромская, Ивановская, Владимирская, Рязанская, Смоленская и Тульская области) потребление значительно ниже нормы, а цены существенно выше, чем у соседей по округу.

Таблица 2. Потребление и производство мяса и мясных продуктов на душу населения в регионах Центрального федерального округа в 2016 г.

Область	Доля в ресурсах		Потребление на 1 чел., кг	Производство на 1 чел., кг	Средняя цена 1 кг, руб.	
	ввоз, включая импорт	вывоз, включая экспорт			говядина [*]	мясо птицы ^{**}
Белгородская	8,1	87,4	95	826	278,8	125,9
Брянская	19,4	77,4	65	249	351,9	133,5
Владимирская	72,1	58,8	57	36	328,5	141,2
Воронежская	31,9	42,9	92	112	282,1	127,7
Ивановская	62,9	10,8	56	23	328,9	129,8
Калужская	55,0	52,0	78	73	340,3	127,3
Костромская	63,1	18,8	49	21	326,4	131,9
Курская	12,5	76,4	83	322	270,9	121,9
Липецкая	24,6	71,0	77	213	276,8	124,5
Орловская	36,3	55,4	74	111	336,9	128,2
Рязанская	39,8	15,9	58	41	318,4	118,7
Смоленская	47,1	43,9	61	57	330,5	137,8
Тамбовская	19,6	72,6	77	247	284,9	119,4
Тверская	44,1	54,7	73	97	331,7	128,6
Тульская	39,4	19,0	62	46	295,7	129,3
Ярославская	61,4	35,5	83	49	311,3	123,3
ЦФО (без Москвы и Московской области)	26,3	66,6	73	170	313,5	130,4

^{*} Говядина, кроме бескостной. ^{**} Куры охлажденные и замороженные.

Источники: Центральная база статистических данных [Эл. ресурс]. URL: <http://cbbsd.gks.ru/> (дата обращения: 22.06. 2018); Торговля в России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 233 с. Расчеты автора.

Региональная дифференциация по производству мяса (размах вариации равен 40) отражает отраслевую специализацию регионов. Более трети объемов производства мяса и мясопродуктов ЦФО приходится на Белгородскую область, а также Курскую, Брянскую, Тамбовскую и Липецкую. Излишки продукции эти регионы интенсивно вывозят, о чем свидетельствует показатель доли

вывоза, включая экспорт, в ресурсах. Примечательно, что список аутсайдеров по производству практически совпадает с перечнем регионов, потребляющих мясо и мясопродукты ниже нормы.

Поиск связей и закономерностей в приведенной группе показателей по мясу и мясопродуктам привел нас к следующим результатам. Потребление в среднем на человека находится в прямой зависимости от среднедушевых доходов (коэффициент корреляции $R=0,75$) и в обратной – от цен ($R= -0,61$). Производство в среднем и доля вывоза в ресурсах находятся в прямой зависимости ($R=0,71$). Но есть и исключения, опять-таки обусловленные производственной специализацией. Например, Владимирская область, производя всего лишь 36 кг/чел. мяса и мясопродуктов, ввозит 72% всех ресурсов и вывозит их после переработки (59% всех используемых ресурсов). Так отражается в статистике деятельность крупного мясоперерабатывающего холдинга ABI PRODUCT.

Молоко и молочные продукты. Балансы производства и потребления молока и молокопродуктов по регионам ЦФО представлены в таблице 3. Рациональная норма потребления, рекомендованная Минздравом, составляет 325 кг/чел. и при существующих темпах развития молочного скотоводства достижима лишь в далеком будущем. В 2016 г. в среднем по Российской Федерации этот показатель составил 236 кг/чел., по ЦФО в целом – 217 кг/чел., а без учета Москвы и Московской области – 208 кг/чел.

Потребление молочных продуктов сильно различается по регионам ЦФО. В девяти из 16 субъектов оно значительно (на треть и более) ниже нормы. При этом сложившиеся цены на молочную продукцию не укладываются в схему «Потребление выше – цены ниже». Очевидно, что локальные рынки молочных продуктов находятся на стадии формирования и испытывают влияние других факторов («серый импорт», дифференциация объемов господдержки, различия в доходах населения и т.д.).

Эти обстоятельства выходят за рамки настоящего исследования.

Крупными производителями молока в ЦФО являются Воронежская, Белгородская, Рязанская и Брянская области, которые активно вывозят свои излишки. Самые низкие объемы производства молока и молочных продуктов в Тульской, Тверской и Костромской областях.

Таблица 3. Потребление и производство молока и молокопродуктов (в пересчете на молоко) на душу населения в регионах Центрального федерального округа, 2016 г.

Область	Доля в ресурсах, %		Потребление на 1 чел., кг	Производство на 1 чел., кг	Средняя цена 1 кг, руб.	
	ввоз, включая импорт	вывоз, включая экспорт			молоко*	творог**
Белгородская	13,7	28,7	260	350	40,1	204,2
Брянская	59,5	63,5	186	240	40,4	252,7
Владимирская	29,2	42,5	199	266	44,8	268,4
Воронежская	27,8	37,2	271	356	44,6	231,5
Ивановская	44,5	33,4	176	154	46,4	316,5
Калужская	25,3	31,8	224	266	46,5	222,9
Костромская	32,3	12,8	198	166	46,8	244,5
Курская	21,7	39,3	189	263	41,2	201,9
Липецкая	37,7	28,6	230	221	47,9	224,8
Орловская	38,7	41,4	201	235	43,9	311,7
Рязанская	32,7	49,2	225	338	38,6	229,8
Смоленская	51,5	43,5	215	218	48,2	288,3
Тамбовская	31,9	30,2	167	192	48,0	181,1
Тверская	42,6	31,3	188	164	45,4	290,6
Тульская	27,6	30,2	112	124	44,6	264,9
Ярославская	26,4	24,7	223	231	43,2	271,2
ЦФО (без Москвы и Московской области)	33,9	38,2	208	246	44,3	250,3

* Молоко питьевое стерилизованное, 2,5–3,2% жирности. ** Творог нежирный.

Источники: Центральная база статистических данных [Эл. ресурс]. URL: <http://cbstd.gks.ru/> (дата обращения: 22.06. 2018); Торговля в России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 233 с.; расчеты автора.

Заметим, что официальная статистика производства и потребления молока значительно приукрашивает реальную картину. На потребление населению идет лишь товарное молоко, которое составляет чуть более 60% валового надоя, оставшаяся часть расходуется на выпойку телят, собственные нужды, потери и т.д. При этом статистика исходит из того, что более половины дойных коров содержатся в хозяйствах населения и фермерских (крестьянских). По меткому выражению С. Барсуковой: «... только половина российского молока появляется на прилавках, но поддерживает статистику на плаву» [Барсукова, 2016].

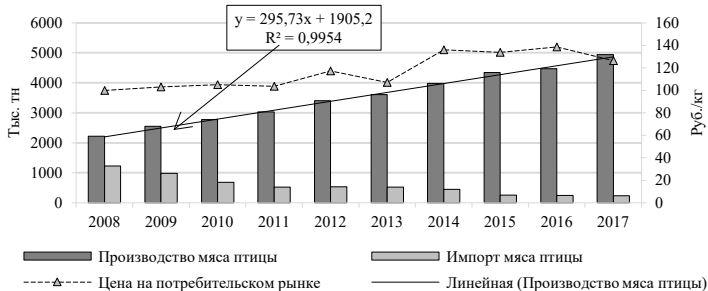
Расчет тесноты и направления связей по молочной группе дает несколько иную картину, чем по мясным продуктам. Прямая сильная связь отмечается между факторами производства и потребления (коэффициент корреляции $R=0,81$). Потребление в среднем на человека находится в прямой зависимости от среднедушевых доходов (коэффициент корреляции $R=0,43$). Отметим, что низкое значение коэффициента в данном случае свидетельствует о меньшей эластичности спроса по доходам молочных продуктов в сравнении с мясными. Факторы производства и цен на молочные продукты в регионе связаны напрямую: по молоку коэффициент корреляции $R=0,57$, творогу = $0,44$. Доля ввоза и вывоза в ресурсах молочных продуктов не коррелирует с остальными факторами, приведенными в таблице 3.

В течение 2014–2016 гг. импорт товаров молочной группы постоянно сокращался и в 2016 г. составил 2 195 млн долл., но в 2017 г. ввоз неожиданно увеличился до 2 630 млн долл. Основной их поставщик – Республика Беларусь (84% импортных сыров и творога, 75% сливочного масла, 96% кисломолочной продукции и т.д.). Успехи белорусского сельского хозяйства, способного накормить не только свое население, но и всех соседей, связаны в первую очередь с «...эффективной государственной политикой в сочетании с прозрачной антикоррупционной борьбой на всех уровнях власти» [Тулохонов, 2018.С.109]. В Беларуси рынок не захвачен транснациональными корпорациями и агрохолдингами, сохраняется здоровая конкуренция между товаропроизводителями, стимулирующая к снижению издержек. На российском рынке мясной и молочной продукции правят бал «дочки» ТНК и крупные региональные и межрегиональные агрохолдинги: АПХ «Мираторг», «Русагро», «Приосколье», АПК «Дон», ООО «Белогорье», AbiProduct, группы «Черкизово», «Останкино», компания «Danon» (торговые марки «Простоквашино», «Даниссимо», «Активиа», каши и молочные смеси)¹⁷; АПК «ЭкоНива», «Агрокомплекс» им Н. Ткачева и др., с которыми локальным производителям очень сложно конкурировать.

¹⁷ Российский рынок продуктов питания полностью капитулировал перед транснациональными корпорациями [Эл. ресурс]. URL: <http://новости-россии.ru-an.info/> (дата обращения: 27.06. 2018).

Что если импортозамещение состоится...

Если произойдет столь долго ожидаемое событие, цены отраслевого рынка стабилизируются и даже снизятся. Этому будут способствовать насыщение внутреннего рынка и обострение конкурентной борьбы за потребителя (оставим в стороне вопрос о методах этой борьбы). Ярким примером является рынок мяса птицы (рис. 5), цены на котором в исследуемый период росли значительно медленнее ИПЦ.

Источник: URL: <http://ab-centre.ru/news/rynok-myasa-pticy—klyuchevye-tendencii-i-prognozy> (дата обращения: 20.07. 2018).

Рис. 5. Динамика производства, импорта (левая шкала) и средних потребительских цен (правая шкала) на рынке мяса птицы в 2008–2017 гг.

Рост производства мяса птицы, как свидетельствуют данные, начался задолго до введения эмбарго. Каждый год равномерно и последовательно, как во времена советских пятилеток, валовой выпуск увеличивался в среднем на 295 тыс. т (см. уравнение тренда с коэффициентом достоверной аппроксимации 0,99). Одновременно столь же поступательно уменьшался импорт – в среднем на 100 тыс. т ежегодно. При этом доля импорта в ресурсах мяса птицы (без учета запасов) сократилась с 35,6% (2008 г.) до 4,5% (2017 г.), а производство выросло в два раза и достигло дореформенных 4941 тыс. т. Этот объем считается избыточным для внутреннего потребления, что негативно отражается на динамике цен и доходах производителей. При этом в условиях разрыва торговых отношений с Евросоюзом наладить экспорт мяса птицы очень сложно. В 2017 г. Россия экспортировала всего 163,6 тыс. т этого продукта по средней

цене 1,06 долл./кг¹⁸. Основные покупатели: Украина (!)(31%), Вьетнам (28%), Казахстан и Киргизия.

Развитие отечественного птицеводства шло на фоне жесткой политической борьбы, начало которой связано с поставкой из США в начале 1990-х гг. «ножеч Буша». Тогда дешевая курятина (0,6–1 долл./кг) в голодной стране воспринималась как гуманитарная помощь. Но поставки по демпинговым ценам прекратились, как только отечественное производство мяса птицы сократилось на 70%¹⁹. Тогда в дело вступил Роспотребнадзор, при малейшем обострении российско-американских отношений готовый обнаружить в американских окорочках вредные для здоровья вещества (хлор, сальмонеллу, рактопамин и т.д.). С введением эмбарго в августе 2014 г. импорт продовольствия из США прекратился. Сегодня основные импортеры мяса птицы в Россию – Беларусь (59%), Бразилия (32%), Аргентина (5%), Турция и др., но это уже совсем не те объемы, что несколько лет назад.

За рубежом мясо птицы считается пищей для бедных, его стоимость более чем в три раза ниже цены говядины. В СССР структура мясного производства ориентировалась на нормы питания: говядина в ней занимала 43%, мясо птицы – 19% (1991 г.)²⁰. В 2015 г. наоборот: на долю говядины приходилось 17% всего объема производства мяса, а мяса птицы – 47%.

Что же происходило все эти годы на рынке говядины? Производство с 2008 по 2017 гг. уменьшилось с 1769 до 1596 тыс. т, или на 9,8% (рис. 6). При этом импорт по данной группе постоянно сокращался и по итогам 2017 г. составил 18,1% (против 33% в 2008 г.). Насыщение рынка так и не было достигнуто, а дефицит порождает рост цен (за исследуемый период потребительские цены на говядину (кроме бескостной) выросли на 75% и составили в среднем по стране 320,3 руб./кг.) и последующее снижение потребления.

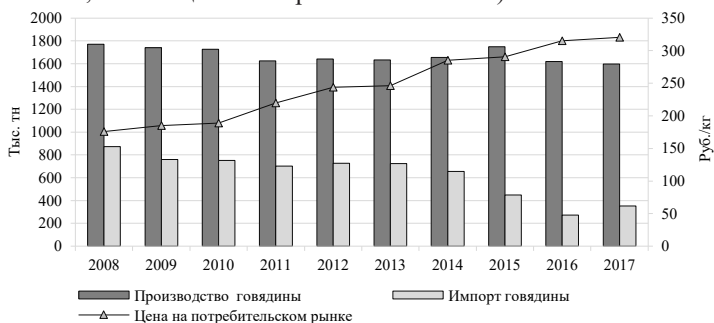
Главные поставщики говядины на наш рынок – страны Латинской Америки: Бразилия (54%), Парагвай (25%), Уругвай, которые своим развитием мясной индустрии во многом обязаны торговле с Россией. Все они пользуются преференциями Таможенного союза как развивающиеся страны, уплачивая 75%

¹⁸ Из Бразилии в 2017 году мы импортировали мясо птицы по 1,63 долл./кг, из Беларуси – по 1,54 долл./кг.

¹⁹ URL: <https://www.agroxxi.ru/stati/torgovye-voiny.html>

²⁰ URL: <http://ab-centre.ru/news/rynok-myasa-pticy---klyucheveye-tendencii-i-prognozy>.

от ставки ввозных таможенных пошлин²¹ (то есть для говядины – 11,25% от цены контракта вместо 15%).

Источник: URL: <http://ab-centre.ru/news/rynok-myasa> (дата обращения: 20.07.2018).

Рис. 6. Динамика производства, импорта (левая шкала) и средних потребительских цен (правая шкала) на рынке говядины в 2008–2017 гг.

Минэкономразвития планирует отменить таможенные преференции на импорт говядины, как это было сделано еще в 2013 г. по свинине и мясу птицы²², рассчитывая, что в случае подорожания импортной говядины отечественным производителям удастся улучшить свои конкурентные позиции. Но представляется, что российский потребитель, увидев новые ценники, скорее направится к «куриному» прилавку.

Протекционизм правильный и российский

По мнению академика А.Г. Аганбегяна, сельское хозяйство «является главным драйвером роста» – локомотивом, – который выведет экономику страны из застоя [Аганбегян, 2017. С. 5]. Академик А.К. Тулохонов считает, что такая роль нынешнему аграрному сектору не по плечу [Тулохонов, 2018]. Автор склоняется ко второй точке зрения, полагая, что масштабная бюджетная поддержка сельского хозяйства в то время, когда цены растут,

²¹ Единый таможенный тариф Евразийского союза. Установлен Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 г. № 54 (в редакции Решения Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 г. № 101) URL: <https://www.profiz.ru/>

²²Импортную говядину лишат тарифных преференций. URL: <http://www.agroinvestor.ru/markets/news/28298-importnuyu-govyadinu-lishat-tarifnykh-preferentsiy/>

а доходы населения и спрос на продовольствие падают, не имеет смысла. Сельское хозяйство, безусловно, нужно поддерживать, как это делается во всех странах, но не прямыми бюджетными вливаниями, а главным образом – через стимулирование потребительского спроса на продовольствие. Идея экспортоориентированной модели аграрной экономики, предложенная Минсельхозом, также представляется весьма странной в условиях возведенных торговых барьеров. Мы продаем сельскохозяйственное сырье (зерно) по низким ценам, а покупаем продукцию с высокой добавленной стоимостью. К тому же, по определению, для аграрной экономики свойственны убывающая доходность, рискованность, длительный производственный цикл и многие другие объективные факторы, которые невыгодно отличают ее от промышленности и делают ставку на нее нежелательной²³. Напротив, высокомеханизированные птицефабрики по производству бройлеров и яиц, имеют растущую отдачу, что и стало причиной успехов отрасли.

Очевидно, что на нынешнем этапе развития современной экономики альтернативы политике протекционизма нет. Но протекционизм, по мнению Э. Райнерта [Райнерт, 2011] и его идеологических наставников (Шумпетера и др.) может быть «правильным и неправильным». Первый тип Э. Райнерт приписывает странам Юго-Восточной Азии (Южная Корея, Япония, Сингапур), второй – Латинской Америки и России.

Правильный протекционизм отличают следующие свойственные ему черты и признаки [Райнерт, 2011]:

- временная защита новых отраслей (продуктов) от конкуренции мирового рынка;
- сохранение здоровой конкуренции на внутреннем рынке;
- опережающие темпы роста производительности труда;
- рост спроса на профессиональное образование, востребованность специалистов;
- низкая дифференциация населения по доходам;
- прямые связи производителей и поставщиков, низкие барьеры входа и выхода на рынок;
- внедрение новых технологий и знаний в производство.

²³ Отметим, что и в промышленности есть виды деятельности, для которых не характерны традиционно приписываемые этому сектору эффекты синергии и масштаба, растущая доходность. Например – сборка автомобилей из импортруемых деталей, которую мировые автоконцерны обычно размещают в развивающихся странах с дешевой рабочей силой. Сегодня в России собирают практически все марки автомобилей: Audi, Citroen, BMW, Datsun, Ford, Renault, Hyundai, Nissan, Opel и т.д. Сельское хозяйство тоже напоминает сборочное производство: импортные комбайны и тракторы, семена, удобрения, гербициды. В пищевой промышленности – оборудование и запасные части к ним, импортные компоненты продукции и т.д.

Совершенно очевидно, что протекционизм, реализуемый в современной российской экономике, имеет противоположные черты и свойства²⁴. Государственная поддержка, защита сельского хозяйства в нашей стране плохо регламентированы и фактически носят непредсказуемый характер [Белова, 2015]. Сокращение импорта продовольствия привело не к активизации конкуренции на внутреннем рынке, а к монополизации локальных рынков агрохолдингами и крупными корпорациями. Последние, в соответствии с правилами стратегического менеджмента, атакуют по всем направлениям: повышают отпускные и снижают закупочные цены, пользуются приоритетной господдержкой [Барсукова, 2017]. При этом, несмотря на декларирование равенства различных форм хозяйствования, «для фермеров установлены непреодолимые барьеры при доступе к льготным кредитам и другим формам поддержки» [Хлыстун, 2018. С. 41], а рыночные барьеры входа и выхода стали для них (не говоря уже о ЛПХ) практически непреодолимыми. К этому следует добавить высокую степень дифференциации населения по доходам, сужающую продовольственный рынок; низкий уровень работающих специалистов и невостребованность сельскохозяйственного образования; неравный доступ к мерам господдержки (коррупцию).

На взгляд автора, в современных условиях снижения потребительского спроса очевидна необходимость введения программ адресной поддержки малоимущих (продовольственные карточки) с использованием опыта, например, США²⁵ [Овчинников, 2015]. Разговоры об этом на уровне Минсельхоза РФ ведутся уже давно, но дальше реализации отдельных региональных проектов дело не зашло. Причина – высокая стоимость программы²⁶ и негативное восприятие населением. Между тем перенаправление огромных средств господдержки сельского хозяйства на разработку

²⁴ Считается, что наша страна прошла первую стадию протекционизма – импортозамещающей индустриализации, и сейчас перед ее экономикой стоят задачи импортозамещающей диверсификации. Акцент на развитие АПК весьма странно выглядит, если учесть эти соображения.

²⁵ Овчинников О. Вступление России в ВТО наложило существенные ограничения на состав и размер государственной поддержки аграрного сектора [Эл. ресурс]. URL: <http://exp.idk.ru/opinion/interview/oleg-ovchinnikov/> (дата обращения: 30.06. 2018).

²⁶ Программа продовольственных карточек для малоимущих обойдется государству в 240 млрд руб., число потенциальных участников – 15–16 млн чел. Реализация программы поручена Минпромторгу. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3629186> (дата обращения: 01.07. 2018).

и реализацию общефедеральных программ по обеспечению сбалансированного школьного, диетического общественного питания, введению продуктовых карточек для многодетных и бедных семей, могло бы принести большую пользу. Помимо очевидных социальных преимуществ, роста спроса на отечественные продукты, это бы снизило коррупционную составляющую по всей длине цепочки от бюджетов до сельского товаропроизводителя.

Заключение

Процессы импортозамещения демонстрируют различную динамику на отраслевых рынках. Наиболее красноречивым сигналом насыщения того или иного сегмента потребительского рынка и необходимости вывода соответствующего продукта на экспорт является снижение розничных цен (либо явное отставание роста цен от темпов инфляции). Такая ситуация характерна для рынков мяса птицы, яиц, свинины, сахара. Продовольственное эмбарго препятствует выстраиванию нормальных торговых отношений. Однако в случае выхода из ВТО (что вполне оправданно в современной политической обстановке) возможна отмена эмбарго. При таком исходе было бы целесообразно установление таможенных пошлин на различные виды продукции, в зависимости от сформированности и насыщения внутреннего рынка, что является обычной практикой мировой торговли.

Снижение уровня жизни населения, сопровождающееся ростом доли расходов на питание в бюджетах домашних хозяйств, – тревожный симптом, характеризующий системные дисбалансы в экономике. Региональный аспект проблемы выявляет значительную дифференциацию как потребления, так и производства продовольствия и ставит под сомнение верность использования среднестатистических показателей производства в качестве индикатора успехов сельского хозяйства.

Политика государственного вмешательства в экономику сельского хозяйства должна быть направлена на активизацию, а не подавление рыночных механизмов. При этом в результате здоровой конкуренции издержки не должны расти так стремительно, как это происходит после введения эмбарго.

Рост цен на продовольствие является не столько результатом политики протекционизма как таковой, сколько неверным пониманием его сущности, принципов и инструментов. Экономическая

теория и исторический опыт многих стран, как положительный, так и отрицательный, прошедших такой необходимый этап протекционизма, показывает, как надо действовать, чтобы страна достигла успеха и стала могущественной державой. Пока мы, к сожалению, идем другим путем...

Литература

Аганбегян А. Г. Сельское хозяйство – локомотив социально-экономического роста России // ЭКО. 2017. № 5. С. 5–22.

Бастиа Ф. Кобден и Лига. Движение за свободу торговли в Англии / Пер. с франц. Ю. А. Школенко. Челябинск: Социум, 2003. 732 с.

Барсукова С. Ю. Молочные реки России // ЭКО. 2016. № 6. С. 5–17.

Барсукова С. Ю. Аграрная политика России // Общественные науки и современность. 2017. № 5. С. 31–45.

Белова Т. Н. Ситуация на молочном «фронте» в период санкций // Экономист. 2015. № 4. С. 84–91.

Гумеров Р. Р., Гусева Н. В. Об эффектах и парадоксах импортозамещения в контексте национальной продовольственной безопасности // ЭКО. 2018. № 2. С. 90–102.

Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными [Текст] / Пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 384 с.

Самнер У. Протекционизм, или теория происхождения богатства от непроемительного труда / Пер. с англ. Я. Новикова. С.-Петербург. 1893.

Самнер У., Новиков Я. А. Заблуждения протекционизма М., Челябинск: Социум, Экономика, 2002. 254 с.

Тулохонов А. К. Вновь о «борьбе» с урожаем, или куда идет локомотив российской экономики // ЭКО. 2018. № 4. С. 102–114. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-4-102-115

Хлыстун В. Управление земельными ресурсами: состояние и приоритеты развития // Экономист. 2018. № 4. С. 40–46.

Статья поступила 14.07.2018.

Summary

Belova T. N., Academy of Russian Federal Penitentiary Service; Ryazan State Medical University, Ryazan

Situation in the Food Market: New Signals and Old Problems

The current situation in the agrifood market is characterized, on the one hand, by the differentiation of food markets in terms of saturation, and on the other hand, by a reduction in consumer demand due to rising prices. Consumer prices in these segments are much lower than the level of inflation. The processes of import substitution in the food market occur against a background of a decline in consumer demand and an increase in the share of food expenditures in households. Analysis of regional statistics shows a high degree of stratification both in terms

of production and consumption of food per capita. An outpacing increase in food prices casts doubt on the correctness of the choice of measures and instruments of protectionism. Proper protectionism, the author believes, can not be realized at the expense of reducing the standard of living of the population, but rather combine market mechanisms with point-wise temporary support for those industries that are characterized by growing profitability and high return on investment. The author considers it necessary to use the tools of the green box (in particular, the program of food cards), the lifting of the embargo on food imports and the introduction of export and import customs duties, depending on the degree of saturation and the formation of domestic industry markets.

Agro-food market; agrarian policy; incomes of the population; food consumption; food imports; import substitution; embargo; protectionism

References

- Aganbegjan A. G. (2017). Sel'skoehozjajstvo – lokomotiv social'noj ekonomicheskogo rosta Rossii. *ECO [ECO]*. No. 5. Pp. 5–22. (In Russ.).
- Bastia F. Kobden i Liga. (2003). Dvizhenie za svobodu trgovli v Anglii / Chelyabinsk, Socium. (In Russ.).
- Barsukova S. Yu. (2016). Molochnye reki Rossii. *ECO [ECO]*. No. 6. Pp. 5–17. (In Russ.).
- Barsukova S. Yu. (2017). Agrarnaya politika Rossii. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 5. Pp. 31–45. (In Russ.).
- Belova T. N. (2015). Situaciya na molochnom «fronte» v period sankcij. *Ekonomist*. No. 4. Pp. 84–91. (In Russ.).
- Gumerov R. R., Guseva N. V. (2018). Ob ehffektah i paradokсах importozameshcheniya v kontekste nacional'noj prodovol'stvennoj bezopasnosti. *ECO [ECO]*. No. 2. Pp. 90–102. (In Russ.).
- Reinert E. (2011). Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostajutsja bednymi. Moscow, HSE Publ. (In Russ.).
- Samner U. (1893). Protekcionizm, ili teoriya proiskhozhdeniya bogatstva ot neproizvoditel'nogo truda. S.-Peterburg. 1893 p.
- Samner U., Novikov Ya. A. Zabluzhdeniya protekcionizma. Moscow, Chelyabinsk. Socium, Ehkonomika Publ. 2002. 254p.
- Tulokhonov A. K. (2018). Vnov' o «bor'be» s urozaem, ili kuda idet lokomotiv rossijskoj ehkonomiki. *ECO [ECO]*. No. 4. Pp. 102–114. (In Russ.).
- Khlystun V. (2018). Upravlenie zemel'nymi resursami: sostoyanie i priorityety razvitiya. *Ekonomist*. No. 4. Pp. 40–46. (In Russ.).